

Главное. Аргана 2

Одно из самых великих “изобретений” “Шекспира” – Fool of Nature, Дурак Природный, Натуральный, по-русски – *круглый*. С одной стороны он отличается подлинностью от придуривающихся, прохиндеев всех мастей, будущих Пиквикских Джинглей, которые ныне работают экскурсоводами «по Шекспировским местам Стратфорда», а самый заслуженный сидит директором Музея Второй по качеству кровати.

В каждой пьесе есть такой Fool of Nature, или Исполняющий обязанность. Они говорят, что думают, а думают – кошмар! – не то, что велено. Шуту при государе это было позволительно по закону и даже вменялось в обязанность. Должен же хоть от кого-то получить сведения о подлинном положении вещей и правдивую информацию, что думают и говорят за его спиной подданные на его счёт. Кривляясь и паясничая для “подслащивания пилюли” шуты докладывали правителям всё тет-а-тет, а иногда и в узком кругу, который не смел подхихикивать на критику, а должен был как бы в упор не замечать идиота. Двухединная система «король-шут» наиболее ярко реализована в «Короле Лире»; свет образца распространяется оттуда на другие пьесы. Несмотря на то, что в Рэтленде была капля королевской крови, комфортней он чувствовал себя в роли шута, motley, “клетчатого”. Вот его описание в качестве Аморфуса из «Праздника Цинтии» Бена Джонсона:

«**Меркурий**: ...Тот, что с ним, – Аморфус, путешественник, составлен из многих обрывков, так что, верно, и деформирован... Разгуливает или с гвоздикой, или с зубочисткой во рту, бездонный кладезь комплиментов, держит и ведёт себя как по писанному, да ещё лицо – собрание рассказней, и бородака Аристарха.

Говорит – не речь, а снятые сливки, а уж рисуется, ни одна гризетка с ним не сравнится. В любом месте сам себя как никто представит. Жена священника Ньюгейтской тюрьмы готова покормить его, чтоб разговор не смолкал за званым столом..., что,

Роджер Мэннерс

конечно, насилие над гостями, – он им рта не даст раскрыть. ...Горазд улаживать ссоры и может отменно защитить себя – высунувшись из окошка».

Если вы думаете, что речь идёт о бомже, – ошибаетесь, в пьесе он знатный придворный!

Теперь он сам.

«**Аморфус**: Усаживайтесь сюда, сэр, и обзревайте меня. Вы будете сейчас оче-слухо-зритель того, как я немедленно наглядно опровергну парадокс, или, верней, псевдодокс, явленный теми, кто носит лицо как индикатор внутреннего состояния, чего люди благоразумные никогда не делают, это подтвердит любой политический джентльмен. К примеру, я вам изображу сейчас точно и со всеми отличиями лица ваших самых существенных человеческих разновидностей: вашего кьюпца, вашего студента, вашего зольдата, вашего заоконника, вашего притворного и т.д. И все эти лица – могу поклясться, увидите собственными глазами – будут иметь свои отличительные (в зависимости от лица) черты. Это мой конёк, даже целая лошадь, моё бесспорное умение... А теперь перейдём к лицу лиц: лику придворного. Их существует три разновидности: начальный тип, практик и теоретик. Придворный – теоретик – тот, кто зашёл дальше всех и теперь знает двор не столько от постоянного присутствия, сколько от умственных потуг; вот вам его лицо – придиричивое, кислое, перекосилось, точно весь век неразлучно с пороком. Ваш придворный практик – тот, кто торит тропу, колею, дорогу, но не добрался ещё до punctilio, то есть до пика своих надежд, вот и его лицо: открытое, гладкое, задорное и такое полное, ещё миг – убежит и перельётся в вас; немного вет от него севером. А вот ваш начальный тип – тот, что едва коснулся ногой колеи, ещё в алфавитном или до-ре-ми-фа- соль-ля классе придворной науки. Запомните хорошенько это лицо, поскольку оно вам пригодится для практики».

А вот что говорит Джонсон о Пунтарволо в начале пьесы, где каждому герою даёт характеристику: «Пунтарволо, тщеславный рыцарь, сверх меры излагает свои странствия на английском, всего себя посвятил чудачеству, не превзойдён в комплиментах, одежды его отражают круговерть времени. Стáтью весьма пригож, но так обожает похвалы, что когда нет рядом льстеца, сам себя хвалит к огорчению семьи. Собравшись путешествовать, заключает пари на счастливое возвращение, любит разыгрывать клоунаду, и, несмотря на улыбки окружающих, всё у него на свой лад – платье, разговор, движения».

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Бен, как наушник и шпион, доносит в грядущие поколения о “слабостях” своей жертвы, хотя во второй комедии уже умерил пыл и сдерживается. Но чего добился? «Рэтленд-Шекспир не то что не боялся быть смешным, в глубине души он знал, что велик, исключителен, и всегда вёл себя, как подсказывает естество, чего простой смертный позволить себе не может. Он был естественный человек».

Потом был «Чёрт выставленный ослом». Рэтленд здесь – чудакватый полубезумец, «The Duke of Drown'd Land», «Герцог Затопленных земель», Князь Атлантиды аутистов и дурдомовцев.

Но проходит время, и в «Новой гостинице», 1629, Бен смягчается – покойник ему более не страшен. Вот что он говорит о Рэтленде, который выведен под именем Лавел: «Истинный джентльмен, солдат и учёный, склонный к меланхолии, поселился в гостинице. Когда-то хозяин с ним ссорился, а потом полюбил и даже стал глубоко почитать. О нём известно, что он был когда-то пажом графа Бофорда, воевал с ним во Франции, позже принимал участие в его учебных занятиях и был опекуном его сына. Он любит леди Фрэмфул, любви его споспешествуют хозяин гостиницы и горничная Пруденс. В прошлом он к тому же хорошо лицедействовал»¹.

В 1623 году (том же) у Бена сгорела библиотека. Он мгновенно откликнулся на происшествие злобной поэмкой «Проклятие Вулкана», в которой есть и такой пассаж:

*Занял ли я у Амадис де Голя
Эспландианов, Артуров, Пальмеренов и всех
Знакомцев по библиотеке Дон-Кихота;
И так состряпал хорошенькое чудище...
Тогда б ты смог расцветить свой огонь
Моей такой серьёзной дурью... (serious follies)²*

Башковитый хитрован, рационалист и атеист Бен пеняет Огню-Вулкану, зачем он ополчился на него, а не пожирал всю эту мутоту из библиотеки «Рыцаря Печального образа», почитая рыцарские подвиги, любовно описанные в этих романах, «серьёзной дурью». Родной брат испанского идальго Рэтленд вывел себя в прекрасном образе Жака-Меланхолика, не боясь показаться смешным чудачком, не шустрящим и работающим локтями, как Джонсон.

¹ По 3; 256-262 (ред. моя – ОК). «He was one that acted well too» – последнее слово ещё и «two».

² 3; 112 (ред. моя – ОК).

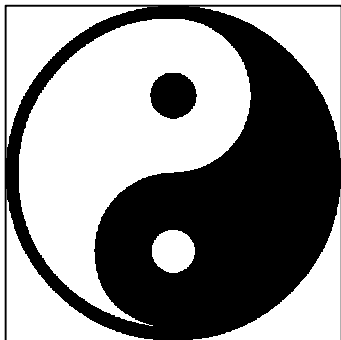
Бен подло предлагает огню опусы розенкрейцеров, алхимиков, герметиков, магов во главе с Мерлином и прочую мистическую муть вместо своих драгоценных рукописей, пожранных Вулканом. Бен Джонсон при Рэтленде – вроде Ракитина при Алёше Карамазове, видно Моцарты притягивают “доброжелателей” с даром *Изоры*, приготовленным для *чаши дружбы*. Гуляки праздные! Дураки! Идиоты!

Рэтленд замолк окончательно только после смерти, а ещё за год до неё шумно праздновался выход «Кориэнта», и пьяница Бен семафорил своим пунцовым носом stop! для serious follies. Он перебрал все возможные синонимы для бичевания ненавистного ему “дебилизма”: fool, folly, foul – далее везде. Тут была ненависть простолюдина к аристократам, которые могли себе позволить чудить и дураковать. И его запоздалые признания в любви «к этому человеку» – всего лишь желание “проскочить сквозь турникет, прижавшись к нему вплотную”. «Специалиста по разоблачению чёрной магии» тошнило, когда он читал у «этого человека, которого (тьфу!) я любил» сцену с ведьмами в самом начале «Макбета»:

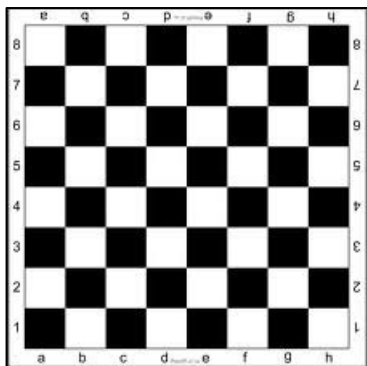
«Fair is foul, and foul is fair...»

Fair-play – честная игра, и ведьмы искушают Макбета циническим заявлением, что всё превращается в свою противоположность «следующим ходом; немного погодя». Фигура в шахматах с чёрной клетки становится на белую – и наоборот. *Честная игра* становится *грязной игрой*. Поэтому – чего стесняться? Вперёд, карьерист! Но коварство в том, что Макбет не конкурентов убивает – он душу свою убивает, душу, которую Планетарный Логос велел *положить за други своя*. А довод ведьм вроде вполне резонный... Томас Нэш так прокомментировал эту ситуацию в «Ужасах ночи» (1594):

«Всякую вещь можно вывернуть наизнанку. Как говорят ведьмы в своей “Отче наш”: у добра характер зла, у зла – добра», «у честности – подлости, у подлости – честности». Это превращение Инь – в Ян и Ян – в Инь с точками противоположного цвета в зоне каждой из половин в схеме *Ба гуа* в китайской идеологии. В макбетовском мифе предсказание ведьм сбылось: прямой потомок Банко – Яков I – стал королём. Ведьмы не только искушают, но и предупреждают о последствиях негативного

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

деяния: выиграешь во времени – проиграешь в вечности. Вот почему «ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным». Можно, конечно, замереть в стагнации, по принципу: «умоляю, не делайте волны!», а можно жить реактивно, по Тютчеву: «и нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать». – Выбирай.

Кстати, на схеме шахматной доски (насика) видно, что такое 1616 год; на половине её упаковываются все шахматные фигуры и обнаруживается, что свободных клеток столько же, сколько и занятых. Холодной арифметикой победы не добьёшься, – только с **Богом внутри** получаешь преимущество. А по поводу отрицательных последствий добрых поступков Планетарный Логос твёрдо заявил: «Мне отмщение и Аз воздам». Это значит, что, несмотря на “отдачу в плечо”, интересы *fair*, добра защищают все Высшие Силы, и только *духи нижнего плана* (ведьмы) делают своё суровое дело экзаменации смертных. Любопытно, что всего слов (включая «пузыри земли») – 61, число, палиндромное к 16. Сцену с ведьмами пересадил из Нэша в “Шекспира” Бэкон; Рэтленд обработал (1606) – получился шедевр. Это яркий пример метода создания *РС* проекта. Есть мнение, что редакция только что переведённой «Библии короля Якова» тоже принадлежит *РС* паре Рэтленд-Бэкон – «так он (текст) прекрасен». Один раз, когда, в ссылке, Рэтленд писал один, у него «получился черновик» – трагедия «Тимон Афинский»: хромает композиция, не всё ладно с именами персонажей, далеки от точности исторические факты. Значит, их дуэт был более прочным творческим целым, чем тандем Бомонт-Флетчер. Но тема *чёрное/белое* есть и здесь:

*Тут золота достаточно вполне,
Чтоб чёрное успешно сделать белым,
Уродство – красотой, зло – добром,
Трусливого – отважным. Старца – юным,
А низость – благородством. Так зачем
Вы дали мне его? Зачем, о боги?
От вас самих оно жрецов отторгнет,
Подушку вытащит, из-под голов*

*У тех, кто умирает. О, я знаю,
Что этот жёлтый раб начнёт немедля
И связывать и расторгать обеты;
Благословлять, что проклято; проказу
Заставит обожать, возвысит вора,
Ему даст титул и почёт всеобщий
И на скамью сенаторов посадит.
Увядшим вдовам женихов отыщет!
Разъеденная язвами блудница,
Та, от которой даже сами стены
Больничные бы отшатнулись, – станет
Цветущей, свежей и благоуханной,
Как майский день. Металл проклятый, прочь!
Ты, шлюха человечества, причина
Вражды людской и войн кровопролитных,
Лежи в земле, в своём законном месте!
Я вновь тебя зарю глубоко.¹*

Чтобы такое написал ростовщик, надо, чтобы он спятил. А он не спятил. «1601, 1 мая. Шакспер (Shakspere) уплатил наличными 320 фунтов стерлингов за 107 акров пахотной земли с правом на ней выпаса. ... Купил дом с садом напротив “Нового места”». ² Каждому – своё.

Рэтленд, перемещённый помягчавшей к нему королевой из дома дядюшки (выселки) снова в Бельвуар, обдумывает «Кориолана», осмысляет собственную судьбу. Учитель в это время издаёт своего “прото-Гамлета”, написанного по Рэтлендовскому поводу («невольник чести» etc.). После поездки в Данию, в Эльсинор по поручению Якова I Рэтленд переписывает заготовку Учителя, увеличивая текст пьесы в два раза и насыщая её датскими реалиями. Но о «Гамлете» у нас разговор отдельный.

Оглядывая панораму, мы видим необыкновенную картину: Роджер Мэннерс, пятый граф Рэтленд был в центре внимания интеллектуально художественной элиты того времени. О нём писали пьесы, ему посвящали стихи, о нём говорили, каждый шаг обсуждали с неослабевающим интересом до самой смерти. Двадцать лет при жизни и ещё столько же по смерти он был притчей во языцех, любимой темой судов и пересудов, восхищения и зависти, желания войти в поле его внимания с расположением или больно задеть с

¹ 8; т. 7, 480-481.

² 3; 461.

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

тою же целью. И никого он злобно не обидел в отместку, даже когда били в самое чувствительное место: отношения с женой. Бен Джонсон построил на обслуживании интереса к персоне любимца всего общества: от королевы до простых студюозусов, своё преуспевание как драматург; вокруг семьи Рэтленда вертелся сателлитом Джон Донн, “влюбившись” в мадам, возможно, не потому что Елизавета Сидни была «женщиной его мечты», а потому, что она была *Рэтленд*, а настоящая, стоящая жизнь была только вокруг их дома. Интимная тайна отношений супругов – платонический характер брака – вырвавшись наружу, стала предметом поэтических и философских рефлексий («Платонический брак» и «Канонизация» Донна, «Женщина, убитая добротой» Хейвуда).

А теперь спросим себя: а могла ли такая ажиотация возникнуть, если магнитом, притягивающим к себе всеобщее внимание, была бы не великая творческая личность, а так, пустышка, говорун и бахвал, и впрямь второй Шейкерли, комик-мим с буффонной же женой, выдрючивающийся в стиле «ради красного словца не пожалею очернить и родного отца» –? Весь цвет Елизаветинцев – поэтов, философов, драматургов, учёных, мистиков – вертелся вокруг этого притягательного ядра, и обманываться скопом и по одиночке они не могли. Значит, феномен находится внутри столпотворения, где в похвалах и воспевании все старались друг друга превзойти, и это продолжалось как минимум двадцать лет после смерти главного героя. Каждые десять лет издавалось его собрание сочинений – каждый раз к дате ухода, потому что даты рождения у “Уильяма Шекспира” – *нет*. Благородный Фрэнсис Бэкон не обнаружил своего участия в проекте, другие тоже сложили свои венки на его могилу. Роджер Мэннерс вложил в проект больше всех. Он заплатил за феноменальный успех ранним уходом, семейными неурядицами, анонимностью творчества. Всемирная слава Шекспира – это не слава одного человека. Поэтому у одного, даже Рэтленда, отнять её можно. Но *вручить* никому одному *кроме него* – НЕЛЬЗЯ. НЕВОЗМОЖНО. Любой, кого всовывают в эти гигантские рыцарские доспехи, расплющивается их тяжестью. «Тимон Афинский» – единственное, что сделал Рэтленд в одиночку. Во всех остальных случаях он был только обработчиком. Причём к концу жизни лавина доброхотов с сырьём нарастала: все были бы счастливы поучаствовать в *Ш.-С. Проекте*. Помимо Бэкона работу курировали Джон Ди и Роберт Фладд. Через

Роберт Фладд

в чистое стерильное книжное существование, а самые объёмные сделались «драмами для чтения».

Вот образец грязи («Буря»):

Просперо: *And deeper than did plummet sound
I'll drown my book. Solemn music.*

Естественно, последние два слова – ремарка, а не речь Просперо. Но раньше печатали всё подряд, рассчитывая на догадливость читателя. Вот оригинал:

Просперо: *И глубже, чем до бездны звук нисшедший,
Я книги погружу.
(Торжественная музыка)*

– The Duke of Drown'd Book! – крикнул с галёрки какой-то тип с красным носом. – Узнаёте? Это наш непотопляемый Бен, птица Феникс, Бен-Бен. Говорят, Сальери тоже освистал на премьере Моцартовского «Дон Жуана». Это тест на подлинность при помощи подлецов.

Какая «Загадка Шекспира»? – Спросите у Джонсона. *Таких как Шакспер от зависти не травят.*

Вот и ответ!.. Это – Гамлет.

посредников вносили свои идеи Рудольф II и Юлиус Брауншвейг. Такому суммарному рыцарю доспехи приходится в самый раз. И кто в этот момент думал о стратфордском мещанине?

Примечательно, что и Кориэт и Шакспер исчезают одновременно – в 1616; фильтр *Молнии с Неба, Башни* не проскочили ни тот, ни другой. И правильно: когда постройка закончена, леса убираются.

Значение Первого Фолио в том, что тексты из грязного театрального существования: урезанные, перекомпонованные, адаптированные под приличия – перешли